ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 31 Воскресенье, 21 августа (3 сентября) 1905 г. № 31

Японизація Китая.

Успѣхи японцевъ въ Китаѣ.—Японскіе наставники и инструкторы.—Преобразованіе китайской арміи и полиціи по японскому образцу.—Сраженія въ Манчжуріи, какъ учебный матеріалъ.—Эмансипація китайскихъ женщинъ.—Религіозная пропаганда.—Антиевропейское движеніе.—

Со времени первыхъ побѣдъ японской арміи, вопросъ о „желтой опасности" сталъ обсуждаться въ европейской и американской печати съ особеннымъ усердіемъ. Нѣкоторые органы сильно преувеличивали значеніе событій на Дальнемъ Востокѣ, забывая, что миролюбивый по природѣ китайскій народъ не можетъ быть въ короткое время превращенъ въ воинственную націю, мечтающую о вооруженномъ нашествіи на Европу.

Съ другой стороны, весьма неосновательно утѣшаютъ себя тѣ публицисты, которые полагаютъ, будто Китай, донынѣ извлекавшій лишь очень мало пользы отъ соприкосновенія съ европейскою цивилизаціей, обреченъ и впредь на такую же косность.

Престижъ Японіи значительно повысился въ Китаѣ со времени Ляояна, Мукдена и Цусимы. Взятіе Портъ-Артура произвело на китайцевъ огромное впечатлѣніе. Судя по всѣмъ признакамъ, японцамъ удастся совершить въ Серединной имперіи тотъ переворотъ, котораго напрасно добивались англичане, нѣмцы и русскіе.

Несмотря на гоненія, которымъ подвергались дружественные иноземцамъ совѣтники богдыхана, несмотря на то, что Кангъ-ю-вей и понынѣ пребываетъ при дворѣ вице-короля Индіи, а Сунъ-я-ценъ, въ дѣйствительности, желающій низвергнуть царствующую манчжурскую династію, чувствуетъ себя въ безопасности лишь въ Гонконгѣ, — тѣмъ не менѣе, со времени возстанія боксеровъ, китайскія придворныя сферы стали проявлять несомнѣнное тяготѣніе къ реформамъ; послѣ же возникновенія русско-японской войны, движеніе это направляется преимущественно японцами. Китай еще не объевропеился, но онъ уже на пути къ тому, чтобы объяпониться.

* *
*

Въ послѣднемъ нумерѣ журнала „Revue des Deux Mondes" помѣщена любопытная статья Ренэ Пинона, разоблачающая происки и успѣхи японцевъ въ Китаѣ, постепенно убѣждающемся, что косность и безправіе неизбѣжно влекутъ за собою гибель государственнаго строя.

Японцы, по словамъ Пинона, укореняются въ Китаѣ систематически и незамѣтно, благодаря сходству расоваго типа и знанію туземнаго языка. Они проникаютъ всюду, въ качествѣ носильщиковъ, журналистовъ, парикмахеровъ, фотографовъ, торговцевъ. Они

Съ лѣвой стороны японскіе уполномоченные: 1) Адахи, 2) Огипаи, 3) Комура, 4) Такахира, 5) Сато. Направо, лицомъ, русскіе уполномоченные: 6) Плансонъ, 7) Набоковъ, 8) Виттэ, 9) Розенъ, 10) Коростовецъ.

Засѣданіе мирной конференціи въ морскомъ арсеналѣ, въ Портсмутѣ.

Съ фотограф. корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

умѣютъ при всякихъ условіяхъ оказаться полезными, заслужить расположеніе населенія и вкрасться къ нему въ полное довѣріе. Недавно всѣ газеты обошло повѣствованіе о томъ, какъ одинъ американскій адмиралъ призналъ въ капитанѣ японскаго судна своего бывшаго повара.

Японцы, удивительно способные исполнять всякую роль и приспособляться къ любой профессіи, являются какъ бы прирожденными шпіонами. Въ настоящее время побѣдоносные островитяне Крайняго Востока, по мнѣнію французскаго публициста, нахлынули въ Китай, чтобы рекламировать тамъ славу и могущество своего отечества. Дѣйствуя по однородной, выработанной, очевидно, при содѣйствіи своего правительства, программѣ, они ведутъ энергичную и весьма успѣшную пропаганду. Имъ удалось убѣдить не только руководящія сферы, но и народныя массы въ Китаѣ, что Японія, воспринявъ и усвоивъ техническую культуру Европы, сдѣлалась самымъ могущественнымъ государствомъ въ мірѣ; Китай, если желаетъ достигнуть истинной мощи, по мнѣнію китайскихъ патріотовъ, долженъ послѣдовать ея просвѣщенному примѣру.

* *
*

Японское вліяніе не трудно обнаружить во всѣхъ подготовляемыхъ Китаемъ или уже завершенныхъ реформахъ. Съ 1900 года имперія богдыхана, подъ руководствомъ японцевъ, стремится къ организаціи постоянной арміи по европейскому образцу. Вице-король провинціи Чили, Юанъ-ши-кай, убѣжденный сторонникъ японцевъ, положилъ начало этому движенію; другіе вице-короли не замедлили послѣдовать его примѣру.

Войска большей части провинціи Серединной имперіи пока еще немногочисленны. Только Юанъ-ши-кай можетъ выставить хорошо вооруженную и дисциплинированную армію въ 30—50 тысячъ человѣкъ. Но, для пополненія будущихъ кадровъ, въ Китаѣ уже имѣется 22 кадетскихъ корпуса, въ которыхъ обучается 3,364 воспитанника. Четыре училища дополнены высшими курсами, съ программами военныхъ академій. Во всѣхъ этихъ школахъ, за исключеніемъ двухъ, въ которыхъ, по настоянію Круппа, преподаютъ нѣмецкіе инструкторы, обученіе находится въ рукахъ японцевъ или китайцевъ, получившихъ образованіе въ Японіи. При каждомъ изъ строевыхъ китайскихъ генераловъ состоятъ одинъ или двое отставныхъ японскихъ офицеровъ, руководящихъ техническимъ обученіемъ. Европейскіе офицеры всюду принуждены уступать имъ свое мѣсто. Да и можетъ ли быть иначе? Японецъ удовлетворяется жалованьемъ въ 80—100 таэлей, нѣмецъ или англичанинъ требуютъ по 300—350 таэлей въ мѣсяцъ.

Въ Токіо придаютъ столь большое значеніе военному возрожденію Китая, что не вызываютъ оттуда командированныхъ, въ качествѣ инструкторовъ, японскихъ офицеровъ, несмотря на настоятельную необходимость пополнить кадры, сильно порѣдѣвшіе, вслѣдствіе убыли на войнѣ. Ежегодно болѣе семисотъ молодыхъ китайцевъ, окончившихъ японскія школы, производятся въ первый офицерскій чинъ, вступая въ ряды войскъ той провинціи, которая оплачивала расходы по ихъ образованію. Они возвращаются на родину, проникнувшись военными доктринами японскаго генеральнаго штаба; атмосфера экзальтированнаго патріотизма, въ которой они провели по три года, накладываетъ на ихъ міросозерцаніе неизгладимый отпечатокъ.

Въ Китаѣ насчитывается теперь болѣе трехъ тысячъ туземныхъ офицеровъ, получившихъ образованіе по японской системѣ. Всѣ они возбуждены военными успѣхами своихъ учителей и рвутся въ бой, чтобы покрыть себя такими же лаврами. Во многихъ китайскихъ военныхъ училищахъ японскіе профессора пользуются описаніями сраженій въ Манчжуріи, какъ учебнымъ матеріаломъ.

Капитанъ Оллонъ, путешествовавшій въ прошломъ году по Китаю, утверждаетъ, что онъ видѣлъ вездѣ правильно обученныя войска, вооруженныя современными ружьями и артиллеріей. Луковъ, зонтиковъ и пестрыхъ знаменъ, которыми щеголяли китайскіе воины временъ боксерскаго возстанія, не осталось и въ помннѣ.

Китайцы, недавно еще относившіеся съ пренебреженіемъ къ военной службѣ, заразились отъ японцевъ яростнымъ милитаризмомъ. Даже образованная молодежь тяготѣетъ къ рекрутчинѣ и организуетъ союзы военныхъ добровольцевъ. Движенію этому, вызванному ненавистью къ бѣлымъ иноземцамъ, насильственно вторгнувшимся въ предѣлы мирной Небесной имперіи, придается освободительно-патріотическій характеръ.

* *
*

Японцы преобразовали въ Китаѣ и полицію. Въ началѣ 1902 г. татарскій генералъ Натунгъ и принцъ Су поручили японскому атташе въ Пекинѣ, полковнику Аоки, заняться организаціей столичной полиціи. Послѣдній выполнилъ свою задачу такъ хорошо, что постепенно и всѣ вице-короли китайскихъ провинцій обратились къ нему за содѣйствіемъ.

Съ 1903 года всѣ чины китайскаго жандармскаго корпуса обучаются японскими инструкторами. Не трудно себѣ представить, какихъ цѣнныхъ и преданныхъ помощниковъ находятъ потомъ въ ихъ лицѣ агенты, присылаемые въ Китай правительствомъ микадо.

Японцамъ удалось подкопаться подъ основные устои китайской культуры, внеся новое вѣяніе въ установленные вѣками распорядки испытаній на званіе мандарина. Чангъ-читонгъ, не отступавшій передъ самыми смѣлыми реформами, рѣшился предложить лишь дополненіе къ старинной экзаменаціонной программѣ: онъ рекомендовалъ своимъ соотечественникамъ присоединить къ прежнимъ научнымъ предметамъ практическія знанія европейской цивилизаціи.

Въ планѣ реформъ, намѣченныхъ въ 1898 г. императоромъ Куангъ-си, мандариновъ наиболѣе пугали и возмущали измѣненія, которыя предполагалось внести въ систему государственныхъ экзаменовъ.

Въ настоящее время, однако, уже введены реформы, далеко оставившія за собой проектированныя тогда новшества. За послѣдніе нѣсколько лѣтъ провинціальныя власти ежегодно отправляютъ молодыхъ китайцевъ за границу и, главнымъ образомъ, въ Японію, для образовательныхъ цѣлей. Большая часть посылаемыхъ поступаетъ въ военныя училища, остальные стараются сдѣлаться инженерами путей сообщенія, изучаютъ горное дѣло или законовѣдѣніе.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Японіи обучается 2,500 китайскихъ студентовъ; средняя длительность образовательнаго курса равняется тремъ годамъ, ежегодная стипендія каждому учащемуся простирается отъ 300 до до 400 таэлей (500—600 рублей). Китайскую молодежь принимаютъ въ Японіи съ распростертыми объятіями,—въ Токіо образовалось даже особое общество для вспомоществованія китайскимъ студентамъ. Японцы смотрятъ на нихъ, какъ на нѣсколько отсталыхъ братьевъ, возрожденію которыхъ необходимо содѣйствовать всѣми силами.

* *
*

Такимъ же покровительственно-дружественнымъ характеромъ отличаются, вообще, всѣ сношенія Японіи съ Китаемъ.

Получившіе за границею образованіе китайскіе юноши пріобрѣтаютъ на родинѣ всѣ права, которыя ранѣе составляли исключительное преимущество студентовъ, сдавшихъ государственные экзамены на званіе мандарина; ихъ даже не подвергаютъ повѣрочному испытанію въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, въ теченіе тысячелѣтій поставлявшихъ Китаю контингентъ косной бюрократіи. Повидимому, даже самое существованіе этихъ комиссій подвергнется въ недалекомъ будущемъ полному уничтоженію. Съ каждымъ годомъ на экзамены является все меньше кандидатовъ—и, въ концѣ концовъ, этотъ образовательный анахронизмъ исчезнетъ самъ собою, какъ длинныя косы и уродливо-маленькія ноги.

Влеченіе къ новшествамъ заразило уже и женскую половину китайскаго населенія. Китайскія женщины также начали ѣздить въ Японію для обученія. Въ самой Серединной имперіи основываются высшія женскія школы по европейскому образцу. Этотъ изумительный для Китая фактъ показываетъ, какой глубокій переворотъ совершился въ національномъ самосознаніи китайскаго общества. Еще недавно китайская женщина коснѣла въ невѣжествѣ и рабствѣ,—ее выдавали замужъ, не доставивъ ранѣе возможности даже увидѣть будущаго супруга, она никогда не покидала своего дома, не имѣла ни малѣйшаго представленія о томъ, что дѣлается за его предѣлами. Нѣкоторое вліяніе на эмансипацію китайскихъ женщинъ оказали американскіе миссіонеры. „Общество борьбы съ уродованіемъ ногъ", состоящее подъ покровительствомъ мистриссъ Арчибальдъ Литль, въ ноябрѣ 1902 г. выхлопотало у императрицы приказъ, порицающій варварскій обычай препятствовать насильственными способами правильному росту ногъ у китайскихъ дѣвочекъ. Нѣкоторые вице-короли пошли еще дальше, прямо воспретивъ такія дѣйствія.

Китайская женщина пріучается къ серьезному чтенію; чтобы способствовать умственному развитію китаянокъ, для нихъ перевели „Исторію феминизма въ Японіи". Въ Шанхаѣ изданы изслѣдованія о душѣ женщины и брошюра о правѣ дѣвушекъ выбирать себѣ мужа по собственному влеченію. Вообще, современная китайская литература поражаетъ своею яркою пестротою. Наряду съ классическими твореніями китайскихъ мудрецовъ, пріобрѣтаютъ широкое распространеніе книги, проникнутыя европейскими революціонными и анархическими идеями. На китайскомъ книжномъ рынкѣ имѣла огромный успѣхъ „Жизнь Наполеона I". Самымъ существеннымъ явленіемъ въ этой области нельзя не признать, однако, преобладающаго вліянія японцевъ на китайскую прессу. Почти всѣ газеты—въ рукахъ японцевъ. Издатели большей части органовъ—японцы; японскіе консулы внимательно слѣдятъ за всѣми изданіями, и нападки на Японію для нынѣшняго китайскаго журналиста опаснѣе, чѣмъ статьи противъ манчжурской династіи. Общій тонъ китайской прессы — ультра-націоналистическій, враждебный европейцамъ.

* *
*

Въ концѣ 1904 г. въ Шанхаѣ издана брошюра подъ сенсаціоннымъ заглавіемъ „Колоколъ" которому суждено разбудить современниковъ". Написанная крайне рѣзко бывшимъ воспитанникомъ японской школы, она возбуждаетъ китайцевъ изгнать „бѣлолицыхъ" изъ Серединной имперіи, напоминая, что у входа въ общественный садъ, въ европейскомъ кварталѣ Шанхая, донынѣ значится

возмутительная надпись: „входъ собакамъ и китайцамъ воспрещается“.

Японцы не пренебрегли, конечно, и религіозной пропагандой. Они высылаютъ въ Китай многочисленныхъ буддійскихъ проповѣдниковъ, являющихся, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣятельными политическими агентами.

Такимъ образомъ японизированіе Китая подвигается впередъ быстрымъ ходомъ. Древняя страна мертвеннаго застоя, подъ вліяніемъ энергичныхъ желтолицыхъ сосѣдей, просыпается къ новой жизни. Прежній консервативный и миролюбивый правительственный персоналъ постепенно вытѣсняется прогрессивными китайскими и манчжурскими элементами. Насколько агрессивнымъ по отношенію къ европейцамъ окажется „новый курсъ“ китайской политики, покажетъ недалекое будущее. Бойкотированіе американскихъ товаровъ—первый этапъ предстоящей великой борьбы расъ на Дальнемъ Востокѣ.

И. Оленинъ.

Вредныя секты.

Прежде всего является вопросъ: кто устанавливаетъ дѣленіе на секты вредныя и не вредныя?

Всѣ секты вредны съ точки зрѣнія достиженія религіознаго единства въ государствѣ или обществѣ.

Въ культурныхъ государствахъ сознано, что религія—личное дѣло каждаго и никакой регламентаціи не подлежитъ. Религіозный культъ дѣло другое.

Онъ терпимъ постольку, поскольку не вредитъ для общественной и государственной безопасности. Запрещаются поэтому обряды, возмущающіе общественную нравственность или грозящіе здоровью. Такъ отошли у насъ во многихъ мѣстахъ въ область преданій купанья въ Крещенье послѣ водосвятія. Завѣдомо, напр., гибельное для государства развитіе скопчества, всегда существовавшаго, неуклонно преслѣдуется.

Но и эта вреднѣйшая секта, съ точки зрѣнія государства, всегда существовала, усиливаясь въ своемъ развитіи въ періоды экономическихъ кризисовъ.

Въ городахъ она встрѣчается чаще среди весьма богатыхъ классовъ. Богатство обезпечиваетъ неприкосновенность.

Процессы и преслѣдованія такъ рѣдки, количество „обнаруживаемыхъ“ такъ ничтожно, что говорить объ опасности нельзя.

Деревня обыкновенно знаетъ скопцовъ и молчитъ. Доносчикъ, если бы имѣлъ успѣхъ, проигралъ столько бы во мнѣніи односельчанъ, что лучше ему не оставаться въ деревнѣ. Съ введеніемъ всеобщей воинской повинности оскопленіе происходитъ послѣ призыва. Семья, гдѣ изъ стариковъ есть скопецъ, часто не даетъ ни одного послѣдователя. Самый фактъ этотъ, нерѣдкій въ городѣ и деревнѣ, говоритъ за то, что оскопленіе, если къ тому есть особыя причины, происходитъ въ сравнительно позднее время, когда обязанности по отношенію къ государству уже исполнены. Исполненія обязанностей по продолженію рода, отрицаемое фанатиками, однако, приводитъ весьма рѣдко къ оскопленію женщины.

Ненормальное сожитіе съ братьями по вѣрѣ не осуждается общественнымъ мнѣніемъ деревни, равно какъ и жизнь монаховъ или монахинь. Деревня вовсе не слѣпа. Она чтитъ монастыри, какъ и святыни, ими оберегаемыя, но о монашескомъ житіи имѣетъ точныя познанія. Да и здравый смыслъ народа не находитъ возможнымъ семейную или интимную жизнь взрослыхъ преслѣдовать обвиненіями или доносами, если только она не вредитъ обществу.

„Скакуны“ или „скачки“—названіе сѣверо-западное, перешедшее отъ финновъ, эстовъ и другихъ лютеранъ. Развитіе скакунства среди финновъ объясняется многими причинами. Главная, мнѣ думается, сравнительная обособленность жизни отдѣльными хуторами или очень маленькими поселками, удаленными отъ кирки. Суровая, угрюмая природа сѣвера съ длинною зимою удручающе дѣйствуетъ на состояніе духа. Мрачное, замкнутое существованіе приводитъ къ скукѣ, хандрѣ. Борются противъ этого посредствомъ алкоголя, борются духовными средствами—путемъ общенія и бесѣдъ. Послѣднія менѣе вредны, и руководители сектантства этого рода ставятъ выше всего трезвость. Но опьяненіе физическое стараются замѣнить нравственнымъ. Какъ оно происходитъ и чѣмъ объясняется, превосходно выяснено въ книгѣ профессора Бехтерева: „Роль внушенія въ общественной жизни“.

Наши крестьяне часто говорятъ, что прочтеніе всей Библіи приводитъ къ сумасшествію. Это лучше всего оправдывается на лютеранахъ—финнахъ. Богатый или обезпеченный дочитывается до того, что или совершенно отрицаетъ ея авторитетъ или, усваивая то или другое толкованіе, проникается то оптимизмомъ, то пессимизмомъ, смотря по настроенію. Отсюда и идетъ обыкновенно руководство и иниціатива образованія религіозной общины.

Преслѣдуемая скакунская или скопческая ересь всегда имѣетъ богатыхъ покровителей. Вовлеченіе въ секту при помощи денежныхъ подкуповъ врядъ-ли можетъ быть доказано. Много совершенно бѣдныхъ скакуновъ. Деньги тратятся на защиту, если кто-либо донесетъ о радѣніяхъ.

Пѣніе псалмовъ, вдохновенныхъ стиховъ приводитъ собраніе въ экстазъ, начинаются скачки, пляски, круженіе до истощенія силъ. Свальный грѣхъ—вотъ главное обвиненіе, выдвигаемое противъ скакуновъ. Если же обратить вниманіе, что скакуны не ѣдятъ мяса, не курятъ, не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, то скорѣе надо искать въ радѣніяхъ болѣе чистое учрежденіе для взаимнаго сближенія разсѣянныхъ членовъ общины, для взаимной поддержки и самовоспитанія.

Увѣренность, что есть друзья, единомышленники и помощники въ горѣ среди своихъ, выносимая съ радѣній, несомнѣнно поднимаетъ настроеніе духа и привлекаетъ людей въ секту. Чѣмъ могутъ быть замѣнены радѣнія при отсутствіи общественной жизни? Если бы экстазъ или вдохновеніе, постигающее пророчествующихъ, было зловредно, то скакуны всѣ должны были бы кончать жизнь въ сумасшедшемъ домѣ. На самомъ дѣлѣ они являются наиболѣе зажиточными крестьянами, аккуратными плательщиками податей, какъ и весьма находчивыми и остроумными людьми въ случаѣ защиты своей вѣры.

Духовенства у скакуновъ нѣтъ. Каждый пророчествуетъ на собраніи по мѣрѣ вдохновенія. Братъ и сестра равны. Менѣе просвѣщенные относятъ себя къ пашковцамъ, болѣе просвѣщенные къ толстовцамъ или спиритамъ, теперь перерождающимся въ окультистовъ и манпевистовъ. Все это только названія. Суть одна — община, ищущая отвѣтовъ на запросы духа. Ничтожное количество доходитъ до оскопленія физическаго, т. е. высшей степени.

Какъ среди финновъ, такъ и сосѣдей-русскихъ, физическихъ скопцовъ немного. Они также не опасны государству, какъ византійскіе евнухи были безопасны для развитія скопчества въ государствѣ, погибшемъ отъ гибельнаго принципа: „раздѣляй и повелѣвай“ (Divide et impera).

Итакъ, „вреднѣйшая“ секта скопцовъ по своей численности ничтожна. Если условія, благопріятствующія ея развитію, измѣнятся, то она, какъ явленіе неестественное, будущности совсѣмъ не имѣетъ.

Скакуны, штунда, духоборы, молокане, новый и старый израиль — самостоятельныя вѣроученія, возникшія на почвѣ той же Библіи, теперь уже не преслѣдуются. Не слѣдуетъ преслѣдовать и скопцовъ духовныхъ, если они не нарушаютъ законовъ. Тогда и переходъ въ физическіе скопцы не будетъ тѣмъ подвигомъ, къ которому стремятся лишь немногіе фанатики для полученія Царства Божія на небѣ и мученическаго вѣнца на землѣ.

Сектанты большею частью грамотны. Если ихъ грамотность будетъ только использоваться, какъ до сихъ поръ, въ области толкованія Библіи, то будутъ и отрицатели власти, военной службы, податей и т. д., особенно при объявленной свободѣ среди всякихъ сектъ. Нужна не хирургія, а терапія для лѣченія этого зла.

Хирургія въ лѣченіи сектантства не помогла: ссылка не вырвала съ корнемъ заразы. Чѣмъ скорѣе мы обратимся къ терапіи, тѣмъ легче рѣшится вопросъ о вредныхъ сектахъ.

Ѳедоръ Шубинъ.

Письма преступниковъ.

Сложная психологія преступниковъ давно уже служитъ предметомъ внимательнаго изученія писателей и ученыхъ.

Многіе изъ нихъ, отрицая теорію врожденности, усматриваютъ въ большей части преступленій своеобразный протестъ противъ общепринятой морали.

При извѣстныхъ соціальныхъ, экономическихъ и правовыхъ условіяхъ нѣкоторыя преступленія неизбѣжны. Отсюда логически правильно дѣлается выводъ, что эти преступленія вызываются не особенностями погрѣшившихъ лицъ, а тѣми несовершенствами общественнаго строя, которыя, такъ сказать, механически наталкиваютъ на преступленія.

Преимущественному воздѣйствію „наталкивающихъ“ причинъ подчиняются лица со слабою волей или слишкомъ повышенною впечатлительностью.

На этой точкѣ зрѣнія твердо стоитъ германскій писатель А. Рейтлеръ, издавшій недавно собранную имъ серію подлинныхъ писемъ различныхъ преступниковъ.

Среди этой коллекціи „человѣческихъ документовъ“, раскрывающихъ передъ нами внутренній міръ несчастныхъ отверженцевъ современнаго культурнаго общества, ярко выдѣляется нѣсколько писемъ, съ которыми, какъ полагаемъ, небезынтересно будетъ ознакомиться и нашимъ читателямъ.

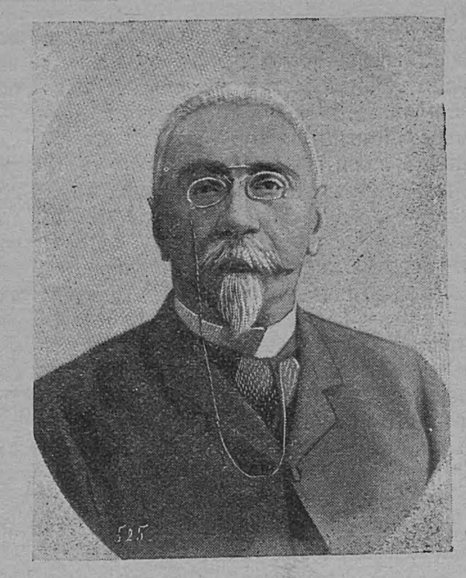
Эмма Мюллеръ, жертва обязательнаго для вѣнскихъ городскихъ учительницъ безбрачія, обратилась съ краткимъ, но выразительнымъ письмомъ къ бургомистру австрійской столицы. Судъ приговорилъ ее къ наказанію за вытравленіе плода. Принужденная разрѣшить дилемму: обречь на голоданіе старую мать или отказаться отъ горячо любимаго жениха, она не имѣла мужества принять какого-либо опредѣленнаго рѣшеніе. Чтобы сохранить содержаніе и мѣсто учительницы, она не вышла замужъ; чтобы не лишиться любимаго человѣка, она сошлась съ нимъ внѣ брака. Въ результатѣ получилась гибель еще не родившагося человѣческаго существа.

Тайный совѣтникъ
Иванъ Алексѣевичъ Аноповъ.
(Къ 35-лѣтію его учебной и научной дѣятельности).

Гласный московскаго уѣзднаго земскаго собранія
Н. А. Каблуковъ.

Предсѣдатель московскаго окружнаго суда
Н. В. Давыдовъ.

Русскіе общественные дѣятели.

Кто же виноватъ? — спрашиваетъ авторъ: наказанная судомъ, преступница или принудительное безбрачіе учительницъ, побудившее Эмму Мюллеръ совершить преступленіе?..

Условія, въ которыя поставлены среди современнаго внѣшне-культурнаго общества „бѣлыя рабыни", нерѣдко прямо наталкиваютъ ихъ на убійство. Вотъ, напримѣръ, во всей своей непритязательной, ужасной простотѣ письмо Жюли Доннэй, направленное ею къ слѣдственному судьѣ:

— Это правда,—сознается она:—я отравила мышьякомъ Жозефа Бернара.

Я сдѣлала это въ тотъ самый день, когда предстала вмѣстѣ съ нимъ передъ брачнымъ аналоемъ, и тѣмъ самымъ порошкомъ, который первоначально предназначала для самой себя.

Не пытайтесь разспрашивать меня о подробностяхъ. То же самое гнетущее чувство, которое принудило меня всыпать мышьякъ въ вино этого человѣка, мѣшаетъ мнѣ выразить словами то, что мнѣ слѣдовало бы отвѣтить.

— Какъ произошло все это?

— Сначала все шло такъ, какъ, вообще, ведется въ нашемъ столь превосходно налаженномъ мірѣ, когда устраиваются подобные браки,—съ тою лишь разницею, что въ большей части случаевъ жертва подчиняется безпрекословно и „молча" переноситъ свои мученія. У нѣкоторыхъ другихъ, какъ, напримѣръ, у меня, несравненно болѣе повышенная чувствительность возбуждаетъ столь острое чувство физическаго отвращенія, что роковая развязка становится неизбѣжной.

Ростовщикъ Жозефъ Бернаръ преслѣдовалъ моихъ родителей съ безпощадною жестокостью, угрожая имъ банкротствомъ и разореніемъ.

Когда наступилъ срокъ обязательствамъ, меня продали.

Жозефъ Бернаръ потребовалъ вмѣсто уплаты по векселямъ, чтобы меня выдали за него замужъ.

Родители мои долго колебались, но иного исхода не было.

Я боялась, что отецъ мой застрѣлится. Онъ опустился передо мною на колѣни и умолялъ меня спасти его. Мать плакала и также упрашивала меня.

И я сдѣлалась невѣстой,—такъ же, какъ становятся невѣстами тысячи и тысячи другихъ дѣвушекъ, попавшихъ въ такіе же нравственные тиски.

Свадебная ночь завершилась отравленіемъ.

Бываютъ, однако, столь же ужасныя преступленія, совершаемыя безъ всякаго участія злой воли. Въ этомъ отношеніи весьма назидательно письмо поручика австрійской службы Бельгорста, посланное имъ своему полковнику:

„Г. полковникъ!

„Вы предсѣдательствовали на судѣ чести, разбиравшемъ мое столкновеніе съ Викторомъ Штеглицемъ.

„Мнѣ сообщили, что вы, г. полковникъ, особенно энергично настаивали, чтобы дѣло окончилось дуэлью.

„Не стану распространяться о томъ, дѣйствительно-ли никакъ нельзя было обойтись безъ поединка.

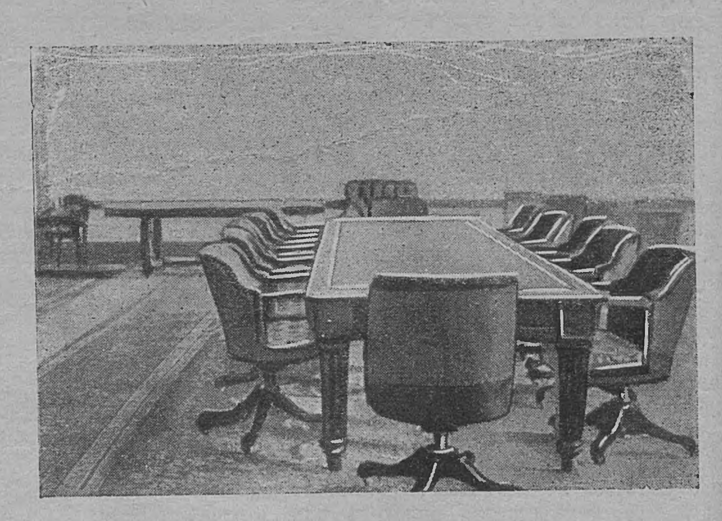
„Штеглицъ былъ моимъ закадычнымъ другомъ; если бы отъ меня зависѣло, я не сталъ бы на него особенно претендовать за нѣсколько рѣзкихъ словъ или даже за нанесеніе удара: вѣдь, ссора возникла, когда мы оба были пьяны.

„Судъ чести призналъ, однако, необходимымъ, чтобы оскорбленіе было смыто кровью, —хотя кровь пачкаетъ, а не обмываетъ. И Викторъ Штеглицъ остался съ пулею въ сердцѣ, бездыханнымъ на мѣстѣ поединка.

„Васъ, господа, вѣроятно, позабавило бы, если бы я разсказалъ, какъ несчастная мать Виктора Штеглица сошла съ ума отъ горя и,

Баронъ Розенъ и С. Ю. Витте благодарятъ народную толпу въ Портсмутѣ за привѣтствія.

Залъ морского арсенала въ Портсмутѣ, въ которомъ велись мирные переговоры.

Съ фотографій корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Предсѣдатель тульской губернской земской управы
князь Е. Г. Львовъ.

Приватъ-доцентъ
В. М. Гессенъ.

Присяжный повѣренный
О. О. Грузенбергъ.

Русскіе общественные дѣятели.

въ припадкѣ безумія, умоляла на колѣняхъ убійцу своего сына взять вызовъ обратно.

„Позвольте же вамъ сказать, г. полковникъ, и вы, господа товарищи, засѣдавшіе въ судѣ чести, что послѣ посѣщенія, которымъ удостоила меня сегодня мать Виктора Штеглица, я больше не нуждаюсь въ обычномъ для такихъ убійствъ помилованіи.

„Я самъ себя помилую. Порохъ и пуля освободятъ меня отъ моихъ невыносимыхъ нравственныхъ мученій.

Отто Бельгорстъ".

Такихъ примѣровъ непроизвольныхъ преступленій приведено не мало въ книгѣ А. Рейтлера, производящей на читателя глубокое впечатлѣніе своею жизненною правдою.

В. П.

„Русскіе въ Японіи".

Задирательное бахвальство собственными необъятными достоинствами и тупое, ничѣмъ несокрушимое самодовольство, питая другъ друга, неизбѣжно порождаютъ въ носителѣ этихъ „качествъ" роковое убѣжденіе, что „у насъ" все хорошее, много превосходнѣе, чѣмъ у другихъ прочихъ, а о дурномъ, вслѣдствіе такого нашего превосходства, говорить не только не стоитъ, но и прямо воспрещается.

„Оглянемся назадъ". „Сколько силы, сколько славы, какое величіе"!—кричатъ „патріоты".

Хорошо, оглянемся назадъ.

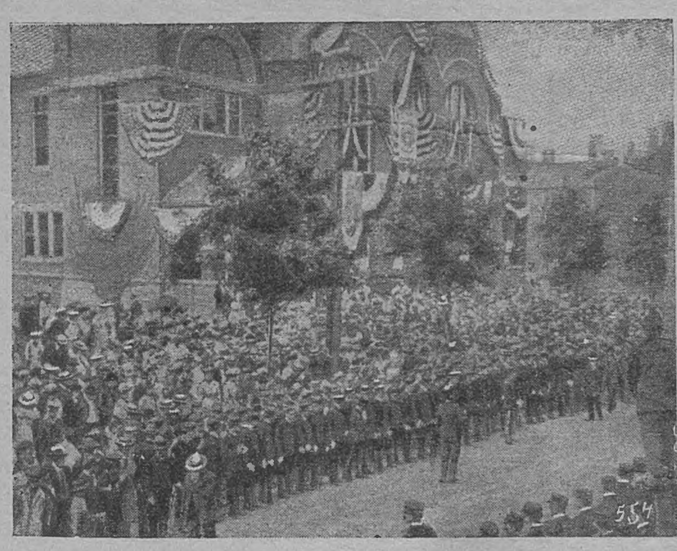
Въ концѣ 1853 г. впервые, какъ извѣстно, у насъ завязались государственныя сношенія съ теперешнимъ нашимъ врагомъ, Японіей. Кромѣ оффиціальныхъ отчетовъ россійскаго полномочнаго посла, адмирала Путятина, исторія этихъ сношеній получила и болѣе художественное, а потому и болѣе правдивое, освѣщеніе на классическихъ страницахъ „Фрегата Паллады".

Перелистаемъ эти страницы и переживемъ воспоминаніемъ „славное прошлое", когда мы явились въ безсильную, почти сказочную тогда, Японію въ цивилизаторскомъ всеоружіи „великой европейской державы", въ моментъ наивысшаго подъема нашего военнаго престижа, наканунѣ грозной севастопольской эпопеи.

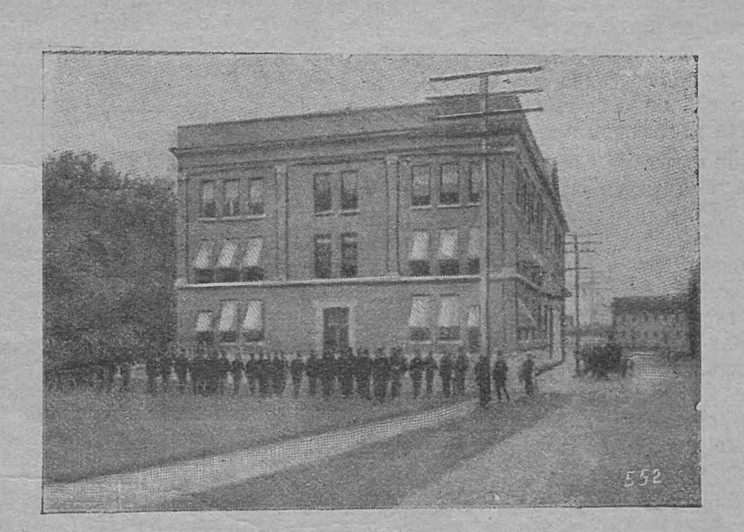
„По сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другаго, японскіе... Ужели это солдаты? Посмотрите, что это такое: взятые на подборъ поменьше ростомъ, японцы, въ маленькихъ, въ формѣ воронки, лакированныхъ шапкахъ съ сонными глазами. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, потому что самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а можетъ быть, были одни чехлы безъ ружей. Здѣсь все можетъ быть, чего въ другихъ мѣстахъ не бываетъ".

„Какъ они (японцы) испуганы и огорчены нашимъ внезапнымъ появленіемъ у ихъ береговъ! Четыре большія судна, огромныя пушки, множество людей, и твердый, небывалый тонъ въ предложеніяхъ, самостоятельность въ поступкахъ! Что жъ это такое?.." „...Не пускать... но ихъ и теперь 4 судна, а, пожалуй, придетъ и десять, все съ длинными пушками. А у нихъ самихъ не длинныя, и безъ станковъ, или на соломенныхъ станкахъ. Есть еще ружья съ фитилями, сабли, даже по двѣ за поясомъ у каждаго, и отличныя... да что съ этими игрушками сдѣлаешь?.." „...Они одни безъ помощи; имъ ничего больше не остается, какъ удариться въ слезы и сказать: виноваты, мы дѣти!—и, какъ дѣтямъ, отдаться подъ руководство старшихъ... Кто же будутъ эти старшіе?.. Русскій штыкъ, хотя еще мирный, безобидный, гостемъ пока, но сверкнулъ уже при лучахъ японскаго солнца, на японскомъ берегу разд͏алось в п е р е д ъ! Avis au Japon!"

„Я на-дняхъ сказалъ ему (матросу Дьюпи-

Народъ, ожидающій прибытія русскихъ и японскихъ уполномоченныхъ въ Портсмутѣ.

Зданіе морского арсенала въ Портсмутѣ, въ которомъ велись мирные переговоры.—Видъ съ бокового фасада.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

ну), что видѣлъ, какъ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку.

— А васъ тутъ,—прибавилъ я,—десятеро возитесь около одной и насилу двигаете ее.

— Точно такъ, в. в.,—отвѣчалъ онъ,—куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую батарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужъ такія пушки у нихъ!

Потомъ, подумавъ немного, сказалъ:

— Если-бъ пришлось драться съ ними, в.в., неужели намъ ружья дадутъ?

— А какъ же?

— По лопарю бы довольно.

Лопарь—конецъ толстой веревки"...

Это-ли не самодовольство, это-ли не бахвальство, временами прямо переходящее въ глумленіе надъ слабѣйшимъ и безпомощнымъ! Но повиненъ въ нихъ не тотъ И. А. Гончаровъ, который мимоходомъ извлекъ на свѣтъ Божій въ „Обломовѣ" неподражаемое „представленіе о возведеніи при зданіяхъ, принадлежащихъ нашему вѣдомству, собачьихъ конуръ для сбереженія казеннаго имущества отъ расхищенія". Здѣсь виденъ другой Гончаровъ, въ виц-мундирѣ, съ крестикомъ въ петлицѣ, чувствуется оффиціальное лицо, секретарь россійскаго уполномоченнаго. Ему, что называется, и чортъ не братъ:

— „А что, если-бъ у японцевъ взять Нагасаки?—сказалъ я вслухъ, увлеченный мечтами.—Они пользоваться не умѣютъ. Что было бы здѣсь, если-бъ этимъ портомъ владѣли другіе? Весь восточный океанъ оживился бы торговлей..."

Таковы игривыя мечты недалекаго, впрочемъ, прошлаго.

А теперь?..

У кого пушки стрѣляютъ лучше? На чьихъ берегахъ сверкнулъ иноземный штыкъ, но ужъ не мирный, не безобидный?

Гдѣ наши „четыре судна, и все съ длинными пушками?"

Мы знаемъ теперь все, отъ мала до велика, на какихъ картахъ искать Японію. Мы видимъ, что за 50 лѣтъ Японія выросла до неузнаваемости.

А что же Россія, огромная, могучая, непобѣдимая? Тоже... неузнаваема?

Отвѣтъ на эти вопросы далъ тотъ же Гончаровъ. Судите сами.

„Народъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ обращавшихся съ европейцами, охаютъ отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной.

„Да и высшій классъ, кажется, тяготится своимъ отчужденіемъ отъ міра и своей сонной, безплодной жизнью... (У народа) куча способностей, дарованій—все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ новыхъ освѣтительныхъ началъ... На все у нихъ запрещеніе: надо губернатора спросить, а тотъ отнесется въ совѣтъ, совѣтъ къ сіогуну, тотъ къ микадо—и пошло! И такъ во всемъ одинъ неизмѣнный порядокъ...

„Они долго не допустятъ свободно ходить по своимъ городамъ, ѣздить внутрь страны, заводить частныя сношенія... Угроза со стороны европейцевъ и желаніе мира помогутъ добиться отмѣны нѣкоторыхъ стѣсненій...

„Словомъ, только внѣшнія чрезвычайныя обстоятельства могутъ потрясти ихъ систему, хотя народъ самъ по себѣ и способенъ къ реформамъ... Если падетъ ихъ система, они быстро очеловѣчатся, и теперь сколько залоговъ на успѣхъ!..

„У него (народа) сознаніе о центральной власти происходитъ не изъ свободнаго стремленія содѣйствовать общему благу и проистекающаго отъ того чувства любви и благодарности къ той власти, которая несетъ на себѣ заботы объ этомъ благѣ. Ему просто страшно; онъ всегда боится чего-нибудь: промаха съ своей стороны, или клеветы, и боится неминуемаго, слѣдующаго за тѣмъ наказанія. Онъ знаетъ, что правительственная система дѣйствуетъ непогрѣшительно, что за нимъ слѣдятъ и смотрятъ строго, и что ему не избѣжать кары"...

Боже мой! Вѣдь, все это написалъ полвѣка тому назадъ русскій объ Японіи! А теперь?

Теперь то же, совершенно то же самое могъ и долженъ бы написать японецъ о Россіи.

„Русскіе въ Японіи"! Ужасная, за душу хватающая правда. Мы за 50 лѣтъ, не сходя съ печи, какъ въ сказкѣ, очутились въ дореформенной Японіи; у насъ только теперь началось то благодѣтельное броженіе народныхъ, доселѣ скованныхъ силъ, которое у японцевъ стало уже достояніемъ исторіи; у насъ только теперь можно говорить о тѣхъ недостаткахъ государственнаго строя, которые Гончаровъ, писатель крѣпостной эпохи, отмѣтилъ въ Японіи, „одряхлѣвшей въ безсиліи и мракѣ жалкаго дѣтства"!

Вотъ она, неумолимая кара за тѣ милыя „качества" нашей бюрократіи, за то—въ сотый разъ!—самодовольство и бахвальство, которыми и по сіе время проникнуты наши оберъ-патріоты и лейбъ-охранители.

Вотъ, мы и „оглянулись назадъ"...

„Впередъ смотрѣть!"—невольно прозвучитъ гордый и грозный кличъ въ душѣ у каждаго, кто еще не „одряхлѣлъ въ безсиліи и мракѣ жалкаго дѣтства".

П. Лихолѣтъевъ.

Султанъ Абдулъ-Гамидъ въ театрѣ.

Нынѣ царствующій турецкій султанъ любитъ театръ,—въ особенности, представленія парижскихъ артистовъ, такъ какъ изъ числа иностранныхъ языковъ вполнѣ свободно онъ владѣетъ только французскимъ. Каждый разъ, когда въ театръ квартала Перы попадаютъ на гастроли труппы Коклэна, Сарры Бернаръ, Режанъ или Жанны Гадингъ, ихъ обязательно приглашаютъ дать представленіе въ присутствіи падишаха.

Константинопольскій корреспондентъ газеты „Berliner Lokal-Anzeiger" приводитъ любопытныя свѣдѣнія объ условіяхъ, при которыхъ происходятъ подобные спектакли.

Текстъ пьесы, подлежащей исполненію въ присутствіи султана, представляется предварительно на просмотръ спеціальнаго цензора. Все, что имѣетъ хотя бы отдаленное отношеніе къ политикѣ или всемірной исторіи, старательно вычеркивается. Королей и коронованныхъ особъ разжаловываютъ въ графы или бароны, министровъ превращаютъ безъ всякихъ оговорокъ въ банкировъ или, просто, въ „дѣятелей, пользующихся вліяніемъ". Сцены убійства не допускаются; нельзя также производить арестовъ во время хода дѣйствія, такъ какъ въ такого рода представленіяхъ могутъ быть усмотрѣны намеки на содержаніе подъ стражей султана Мурада. Актеры, вообще, не должны носить при себѣ оружія; турецкая придворная цензура не разрѣшаетъ пользоваться даже бутафорскими картонными шпагами и пистолетами съ игрушечными пистонами.

Нетрудно представить себѣ, какъ искажается такими поправками текстъ мало-мальски содержательной пьесы.

Когда, наконецъ, удается притти къ соглашенію относительно подлежащей исполненію пьесы, актерамъ и актрисамъ назначаютъ часъ для сбора къ Звѣздному кіоску. Здѣсь придворные чины производятъ перекличку, согласно списку дѣйствующихъ лицъ, чтобы во дворецъ не попало съ труппою кого-либо посторонняго. Удостовѣрившись дважды въ самоличности приглашенныхъ артистовъ, ихъ ведутъ во внутреннее помѣщеніе дворца. Ихъ принимаютъ сначала въ комнатѣ, гдѣ приготовлено угощеніе. Столъ бываетъ накрытъ по-европейски и съ большою роскошью; лицедѣйствующимъ гяурамъ не отказываютъ даже въ винѣ.

Но закускою приходится имъ, обыкновенно, пользоваться весьма недолго. Спустя нѣсколько минутъ, уже является взволнованный придворный эффенди и предлагаетъ имъ немедленно поспѣшить на подмостки. Подъ многочисленнымъ конвоемъ отводятъ труппу за кулисы,—до условленнаго сигнала никто изъ актеровъ не имѣетъ права приблизиться къ рампѣ.

Адъютантъ султана преподаетъ имъ предварительно правила театральнаго распорядка. Актеры не должны обмѣниваться какими-либо знаками, если не находятся на сценѣ; они обязаны держаться на такомъ разстояніи отъ кулисъ, что могутъ поспѣть къ выходу лишь бѣгомъ. Имъ воспрещается смотрѣть сквозь отверстія декорацій. Рядъ подобныхъ запретовъ поддерживается вооруженной силой. Наблюдающимъ за труппою турецкимъ офицерамъ предписано арестовывать нарушившихъ установленныя предписанія.

Обстановка спектакля, конечно, плохо приспособлена къ тому, чтобы актеры прониклись надлежащимъ настроеніемъ. Задача ихъ облегчается снисходительностью зрителей: посторонняя публика, само собой разумѣется, совершенно отсутствуетъ. Ярко освѣщенная театральная зала совершенно пуста. Въ четырехъ, отдѣленныхъ рѣшеткою, ложахъ, быть можетъ, прислушиваются къ звукамъ незнакомаго языка нѣсколько фаворитокъ, которымъ султанъ повелѣлъ присутствовать на спектаклѣ. Присутствіе ихъ можно лишь догадываться, такъ какъ изъ ложъ не доносится ни возгласовъ, ни смѣха. Мертвая тишина окружаетъ Абдулъ-Гамида, котораго съ трудомъ можно различить въ полумракѣ большой центральной ложи. Голоса раздаются лишь по ту сторону рампы, не возбуждая никакихъ проявленій участія со стороны султана. Онъ сидитъ въ глубинѣ ложи, въ совершенномъ одиночествѣ, и смотритъ на сцену. Сѣдая борода его опущена на руки, опирающіяся, въ свою очередь, на набалдашникъ его трости Когда онъ поднимаетъ трость, представленіе должно быть мгновенно закончено. По данному Абдулъ-Гамидомъ сигналу, занавѣсъ стремительно опускается, огни гаснутъ, голоса исполнителей обрываются на полусловѣ.

Султанъ не дослушалъ еще до конца ни одной пьесы. Нерѣдко онъ прерываетъ спектакль на самомъ интересномъ мѣстѣ,—точно стараясь обмануть чьи-то расчеты, такъ какъ высчитать, когда окончилась бы пьеса, нетрудно. При такихъ условіяхъ въ Константинополѣ играли даже Росси и Сальвини! Нельзя не подивиться своеобразному „честолюбію" прославленныхъ дѣятелей сцены, пови-

димому, не нуждающихся ни въ денежныхъ поощреніяхъ, ни въ турецкихъ знакахъ отличія. *В. Р.*

Переписка фаворитки.

Куртизанка Дюбарри, фаворитка Людовика XV-го, оставила рядъ писемъ, весьма характерно обрисовывающихъ эпоху разложенія французскаго государственнаго строя, завершившуюся великою революціей.

Письма эти вышли въ настоящее время отдѣльною книгой; приводимъ изъ нея наиболѣе любопытныя выдержки.

Попавшая „въ случай" куртизанка откровенно сообщаетъ о перемѣнѣ своей судьбы мало щепетильному Ламэ, своему бывшему любовнику:

„Компіенъ, 1768 г.

„Наконецъ-то я получила твое письмо, мой милый Ламэ! Удивительно, что оно, послѣ столькихъ перемѣнъ въ моей судьбѣ, все-таки дошло до меня. По счастью, его переслали отъ m-me Лагардъ къ моей матери, которая сумѣла вручить мнѣ его въ полной неприкосновенности. Ты предлагаешь мнѣ отправиться въ Лондонъ, гдѣ надѣешься пристроить меня самымъ блестящимъ образомъ. Но условія, на которыя я могла бы расчитывать у тѣхъ лордовъ, несомнѣнно не могли бы сравниться съ тѣми, которыми я пользуюсь здѣсь и на которыя я никогда не посмѣла бы и надѣяться. Ты и не воображалъ, когда я жила вмѣстѣ съ тобою, что обладаешь женщиной, которая, того и гляди, сдѣлается придворной дамой и любовницей его всехристіаннѣйшаго величества! Мнѣ кажется, точно я вижу, какъ ты, читая эти строки, таращишь и протираешь глаза, чтобы убѣдиться, что ты не грезишь. Между тѣмъ, мой добрый другъ, ничего не можетъ быть достовѣрнѣе. Я вышла, для видимости, замужъ за толстаго графа Дюбарри и живу теперь въ Компіенѣ, гдѣ выполняю во всемъ ихъ объемѣ обязанности форменной султанши-фаворитки. Считаю излишнимъ внушать тебѣ, что слѣдуетъ объ этомъ помалкивать: ты самъ долженъ понимать, какъ важно для тебя и для меня, чтобы не было лишней болтовни, чтобы ты придерживалъ языкъ за зубами и чтобы вознаградить тебя за тысячу талеровъ, которыя на меня истратилъ, посылаю тебѣ при семъ вексель на тысячу фунтовъ стерлинговъ. Вексель написанъ на предъявителя; тебѣ нѣтъ нужды называть свое имя, когда ты явишься за полученіемъ означенной въ немъ суммы. Ты видишь: я несмотря на то, что пошла въ гору, всетаки сталась доброй. Не пиши мнѣ ни слова, пока я не дамъ тебѣ возможности безопасно сноситься со мною. Я расчитываю на твою скромность такъ же, какъ ты можешь расчитывать на мою дружбу, на мое горячее желаніе дать тебѣ доказательства ея.

Графиня Дюбарри".

Несмотря на все возраставшее расположеніе короля къ новой фавориткѣ, въ придворныхъ сферахъ нашлись лица, не побоявшіяся открыто выражать ей свое презрѣніе. Въ слѣдующемъ письмѣ къ ея деверю, графу Дюбарри, она жалуется на герцога де-Шуазеля и его сестру:

„Любезный деверь!

„Его величество все также благоволитъ ко мнѣ. Ему нравится, когда за мной ухаживаютъ; но герцогъ де-Шуазель, повидимому, не выноситъ меня. Герцогиня, его сестра, внѣ себя, когда встрѣчается со мною. Когда она смотритъ на меня, глаза ея полны завистью и злобой. Я увѣрена, что никогда не сойдусь съ этой женщиной. Говорятъ, что братъ и сестра сочиняютъ на меня пасквильную пѣсню. Должна-ли я жаловаться на это королю? Вы знаете лучше меня, что происходитъ. Какъ слѣдуетъ мнѣ поступить? Жду вашего отвѣта, чтобы ничего не предпринимать безъ вашего совѣта. Остаюсь, любезный деверь, благодарною и дружественною вамъ

Графиней Дюбарри".

Тому же родственнику пишетъ она въ слѣдующемъ, 1769 г., о хорошихъ отношеніяхъ, установившихся между нею и Ришелье:

„Я продолжаю, любезный деверь, больше, чѣмъ когда либо, пользоваться расположеніемъ короля и, насколько можно судить,—успѣхомъ при дворѣ. Герцогъ де-Ришелье—мой другъ до гроба. Канцлеръ, который, какъ вы знаете, со мной породнился, весьма усердно является ко мнѣ на поклонъ. Герцогъ де-Шуазель выказываетъ ко мнѣ явную ненависть. Вчера онъ провожалъ меня въ Триль, который хотятъ предоставить мнѣ пріобрѣсти покупкою. Герцогъ де-Ришелье, однако, предупредилъ меня, чтобы я не довѣряла: де-Шуазель вынужденъ, противъ своей воли, высказывать благодушіе. Герцогиня де-Граммонъ ѣдетъ странствовать, чтобы избавиться отъ необходимости видѣться со мною. Увѣряютъ, что она въ Голландіи. Скатертью дорога! Я была бы рада ничего больше не слышать о ней. Вручены-ли вамъ ассигнованные въ понедѣльникъ г. Божу 200,000 ливровъ? Вы ничего не сообщаете мнѣ объ этомъ. Завтра я буду въ Парижѣ; вы встрѣтите меня въ оперѣ.

Графиня Дюбарри".

Окруженная лестью и низкопоклонствомъ французской придворной знати, расточительная временщица жадно пользовалась преимуществами своего положенія. Въ перепискѣ ея приведено курьезное посланіе генераль-контролера финансовъ, аббата Террэ, который пишетъ Дюбарри, что тридцати тысячъ ливровъ ежемѣсячнаго содержанія - - слишкомъ мало для ея представительности. „Я посовѣтую королю удвоить цифру вашего оклада",—заявляетъ своеобразный „контролеръ" финансовъ, покупающій протекцію фаворитки за счетъ государственнаго казначейства.

При помощи вліянія Дюбарри не только расхищались скудныя средства обѣднѣвшей страны, но и проводились политическія интриги. Врагъ герцога де-Шуазеля, хитрый де-Мопонъ, умѣло пользуется ненавистью фаворитки къ вліятельному министру.

„Вы должны, со своей стороны,—внушаетъ ей де-Мопонъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—постоянно вдалбливать королю, что Шуазель тайнымъ образомъ подстрекаетъ парламентъ нарушить свои обязанности и возстать противъ его величества. Если вы только втолкуете это королю, не подавая вида, что сколько-нибудь заинтересованы въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла, я постараюсь представить королю убѣдительнѣйшія доказательства справедливости вашихъ словъ. Я докажу ему также, на основаніи письменныхъ документовъ, что герцогиня де-Граммонъ, подъ предлогомъ увеселительной поѣздки, старалась подстрекнуть остальные парламенты къ ослушанію противъ королевскихъ повелѣній. Наконецъ, герцогъ де-Эгильонъ и аббатъ Террэ ловко внушатъ королю, что герцогъ де-Шуазель, чтобы сохранить свое вліяніе, пытается вызвать тайными происками войну, хотя дѣлаетъ видъ, будто искренно способствуетъ миролюбивымъ видамъ его величества.

Этого будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы уронить въ глазахъ нашего монарха честолюбиваго министра. Король никогда не любилъ его, онъ держится, такъ сказать, въ силу привычки. Шуазеля боятся и считаютъ необходимымъ. Таковъ путь, котораго мы принуждены придерживаться. Излишне рекомендовать вамъ соблюденіе полной тайны: для васъ она необходима въ столь же высокой степени, какъ и для меня".

Нехитро задуманная интрига удается. Дюбарри, при всей убогости ея ума и характера, успѣваетъ устранить враждебнаго министра. Людовикъ XV вскорѣ пишетъ ему:

„Неудовольствіе, причиненное мнѣ вашими служебными дѣйствіями, вынуждаетъ меня выслать васъ въ Шантелу, куда предписываю вамъ удалиться въ теченіе двадцати четырехъ часовъ. Я выслалъ бы васъ гораздо дальше, еслибы не уваженіе, питаемое мною къ герцогинѣ де-Шуазель, и заботливость объ ея здоровьѣ. Берегитесь, чтобы ваше поведеніе не заставило меня принять другое рѣшеніе".

За этимъ письмомъ послѣдовало вскорѣ другое посланіе, довершившее опалу бывшаго министра:

„Я никогда больше не воспользуюсь вашими услугами, высылаю васъ поэтому въ Праленъ, куда вы имѣете удалиться въ теченіе двадцати четырехъ часовъ.

Людовикъ".

Мужъ и деверь Дюбарри безсовѣстно обирали фаворитку короля и расхищали государственную казну; они считали совершенно естественнымъ, что въ ихъ нечистыя руки плывутъ милліоны чужихъ денегъ. Деверь съ цинической откровенностью писалъ любовницѣ короля:

„Вы жаловались недавно у моей сестры,—очевидно, съ цѣлью, чтобы ваши слова дошли до меня,—что я слишкомъ много расходую изъ кассы придворнаго банкира. Однако, впредь надо дѣйствовать на болѣе широкую ногу, такъ какъ я получилъ до сихъ поръ лишь два милліона триста тысячъ ливровъ. Еслибы я раздобылъ гораздо больше, кто могъ бы на это пожаловаться? Конечно, не король, такъ какъ никто не осмѣлится что-либо сказать ему объ этомъ. Вы также не можете ничего имѣть противъ этого, потому что обязаны мнѣ своимъ счастіемъ и должны бы первая постараться, чтобы подѣлиться со мною частью своего благополучія. Придворный банкиръ тоже не станетъ претендовать: мои расписки принимаютъ отъ него, при провѣркѣ счетовъ, за наличныя деньги. Аббатъ Террэ всецѣло зависитъ отъ насъ; канцлеръ породнился съ нами и обязанъ намъ своимъ назначеніемъ. Онъ также не вздумаетъ мѣшаться въ наши дѣла. Никто не въ силахъ сколько-нибудь воспрепятствовать намъ. Предоставьте намъ использовать счастливый случай, пока судьба намъ благопріятствуетъ. Обнимаю васъ, вашъ

Графъ Дюбарри".

Алчность и неприличное поведеніе номинальнаго мужа фаворитки заставили ее, наконецъ, обратиться къ герцогу де-Эгильону съ письмомъ, въ которомъ она проситъ предварить графа Дюбарри, что его вышлютъ навсегда изъ предѣловъ Франціи.

Въ январѣ 1774 г. Вольтеръ, расчитывавшій воспользоваться протекціей любовницы Людовика XV-го, написалъ ей льстивое посланіе:

„Сударыня, г. де-ла-Бордъ сказалъ мнѣ, что вы поручили ему поцѣловать меня въ обѣ щеки.

Онъ передалъ мнѣ вашъ портретъ. Не гнѣвайтесь, что я взялъ на себя смѣлость возвратить ему оба поцѣлуя. Я выслушалъ отъ г. де-ла-Борда нѣкоторыя мѣста изъ „Пандоры". Мнѣ показалось, что они заслуживаютъ вашего покровительства. Вы можете повысить блескъ своего положенія лишь щедрою поддержкою, оказываемою талантамъ".

Въ возрожденію Китая.—Императорская медицинская академія въ Чень-Ту, въ Китаѣ.

Съ фотографіи корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Письмо Вольтера заканчивается привѣтствіями въ столь же приниженномъ тонѣ. Придворный проповѣдникъ, аббатъ де-Бовэ, не побоялся, однако, громко обличать съ каѳедры короля и его фаворитку. Дюбарри попыталась повліять на него угрожающимъ письмомъ, начинающимся слѣдующими словами:

„Сегодня, г. аббатъ, вы проповѣдывали съ необычайнымъ безстыдствомъ. Вмѣсто того, чтобы вдохновляться въ своей проповѣди кротостью, сдержанностью и любовью, вы дерзнули очернить жизнь нашего монарха въ глазахъ его народа. Только противъ него обратили вы свои нападки, хотя онъ—единственное лицо, которое вы обязаны щадить и ошибки котораго оправдывать передъ подданными. Васъ побудило къ этому, я увѣрена, вовсе не чувство христіанской любви".

Дюбарри пригрозила проповѣднику ссылкою въ отдаленную деревню, но Людовикъ XV оказался великодушнѣе своей любовницы. Онъ не послушался ея извѣтовъ и предоставилъ аббату де-Бовэ полную свободу слова.

Разсказываютъ, что однажды, послѣ проповѣди, въ которой аббатъ снова изобличалъ старыхъ сластолюбцевъ, король обратился къ маршалу Ришелье и сказалъ ему: „Ришелье, мнѣ сдается, что проповѣдникъ набросалъ не мало камней въ вашъ огородъ!"—„Вы правы, ваше величество,—отвѣтилъ герцогъ,—но нѣкоторые изъ камней отскочили отъ моего огорода и попали въ паркъ Версаля".

Когда Людовикъ XV скончался, недавняя фаворитка сразу вернулась къ ничтожеству, изъ котораго вышла по прихоти коронованнаго любовника. Ее сослали въ монастырь, гдѣ она пробыла въ заточеніи до самой революціи. Народъ не забылъ, что казна израсходовала на нее двадцать милліоновъ франковъ, часть которыхъ застряла въ бездонныхъ карманахъ ея соучастниковъ. Дюбарри погибла на гильотинѣ,—но даже случайная трагическая смерть не выдвинула ея изъ уровня заурядныхъ французскихъ куртизанокъ. Переписка Дюбарри свидѣтельствуетъ о низменности ея интересовъ и глубокомъ упадкѣ нравственнаго чувства. Разлагающее вліяніе ея режима ускорило надвигавшуюся катастрофу.

Медицинская академія въ Китаѣ.

Китай возрождается. Подъ мощнымъ вліяніемъ японской пропаганды, „недвижный" Китай совершаетъ шагъ за шагомъ по пути пріобщенія къ европейской цивилизаціи. Въ великой стѣнѣ псевдо-патріотическаго самодовольства пробита широкая брешь. Дрогнули самые устои косной имперіи богдыхановъ. Китайцы начинаютъ утрачивать вѣру даже въ невѣжественныхъ знахарей и колдуновъ, десятки вѣковъ производившихъ надъ ними свои мнимо-врачебные эксперименты.

Въ 1902 г. вице-король китайской провинціи Се-Чуанъ, насчитывающей болѣе сорока милліоновъ жителей, обратился къ французскому правительству съ просьбою принять на себя организацію медицинской академіи въ Чень-ту, главномъ городѣ провинціи. Французское министерство иностранныхъ дѣлъ командировало туда доктора А. Ф. Лежандра, состоявшаго ранѣе при колоніальныхъ войскахъ.

Основанная, при содѣйствіи Лежандра, медицинская школа была открыта лично вице-королемъ; на оффиціальномъ торжествѣ присутствовали всѣ высшіе мандарины. Въ настоящее время она насчитываетъ 32 слушателя. Въ число студентовъ вошли преимущественно сыновья чиновниковъ, имѣющихъ ученыя степени.

Медицинской академіи въ Чень-ту присвоено названіе императорской; кромѣ нея въ Китаѣ имѣется лишь одно высшее учебное заведеніе, въ Тянь-Цзинѣ.

Въ настоящее время къ медицинской академіи предполагается пріобщить факультеты другихъ университетскихъ каѳедръ.

Воспроизводимая нами фотографія изображаетъ весь нынѣшній личный составъ китайской медицинской академіи. Въ серединѣ группы—директоръ и организаторъ школы, докторъ Лежандръ; вмѣстѣ съ студентами снялись администрація и китайскіе „цензоры" учебнаго учрежденія. Безъ инспекціи дѣло не обошлось, конечно, и въ Китаѣ.

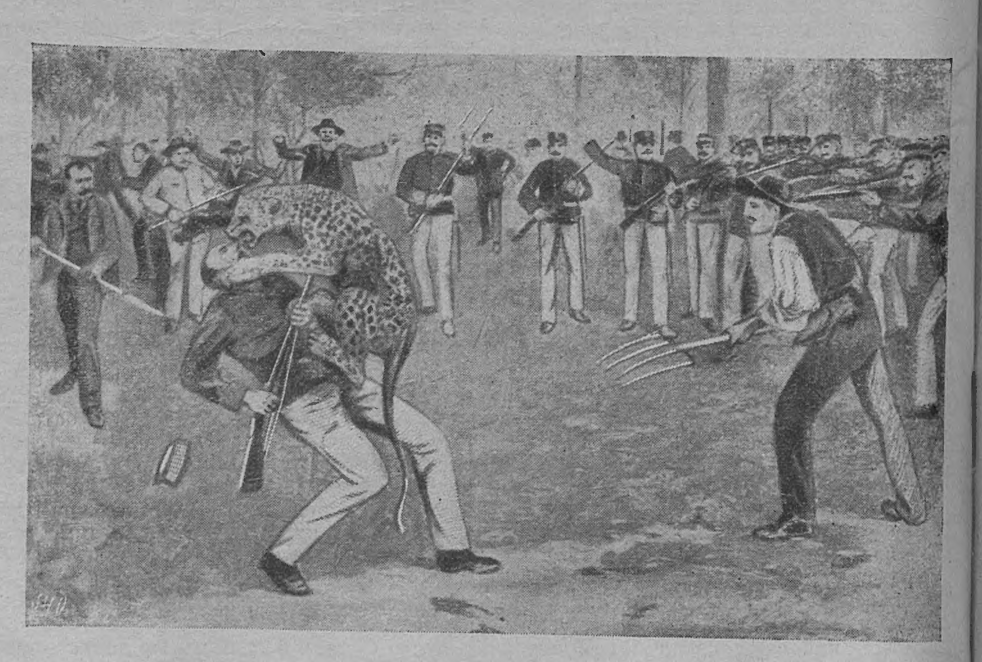

Леопардъ, вырвавшійся изъ клѣтки въ зоологическомъ саду, въ Лиссабонѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ въ Лиссабонскомъ зоологическомъ саду разыгралась потрясающая сцена. Огромный леопардъ, котораго переводили въ новую клѣтку, вырвался на свободу. Вызванная немедленно рота солдатъ муниципальной гвардіи окружила садъ, въ которомъ, вслѣдствіе ранняго времени, еще не было посѣтителей. Другой отрядъ приступилъ къ ловлѣ опаснаго бѣглеца. Въ леопарда было произведено при этомъ нѣсколько легко ранившихъ его выстрѣловъ. Разсвирѣпѣвшій звѣрь бросился на одного изъ солдатъ. Несчастный пострадалъ не только отъ когтей и зубовъ леопарда, но и отъ неосторожныхъ выстрѣловъ своихъ товарищей.

Одному изъ сторожей удалось, наконецъ, прикончить звѣря сѣнными вилами. Въ городѣ, при извѣстіи о бѣгствѣ леопарда, произошла паника. Улицы, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, были совершенно безлюдными; многія лавки были закрыты. Жизнь искусаннаго леопардомъ и раненаго пулями своихъ товарищей солдата находится въ опасности.

Бѣгство леопарда изъ Лиссабонскаго зоологическаго сада.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ" (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25 Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом." С. М. Пропперъ.